

УДК 398.222:130.2

ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ КАК ХРАНИЛИЩЕ И ПРОВОДНИК МЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ЭТНОСА

В. Н. Яхно

Учреждение образования «Гомельский Государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Проведен анализ мифологии восточных славян, ее основных образов и идей – мифологем. Отмечено функциональное предназначение и роль дуалистического содержания древней формы мировоззрения в формировании ментальности этносов.

Ключевые слова: миф, мифологема, ментальность, менталитет, этнос, дуализм.

MYTHOLOGEMES OF THE EASTERN SLAVS AS A REPOSITORY AND CONDUCTOR OF THE MENTAL FOUNDATIONS OF THE ETHNOS

V. N. Yakhno

*Educational Institution “Sukhoi State Technical University of Gomel”,
the Republic of Belarus*

The article analyzes the mythology of the Eastern Slavs and the mythologemes as the main images and ideas. The functional purpose and role of the dualistic content of the ancient worldview in the formation the mentality of ethnic groups.

Keywords: myth, mythologeme, mentality, mentalty, ethnos, dualism.

Любая национально-этническая общность с первых этапов своего становления была нацелена не только на совершенствование комфортности своего существования и удовлетворение материальных потребностей, но обязательно стремилась наполнить свой жизненный мир духовным содержанием. Проводниками такой оптимизации окружающей среды были мифологические и художественные образы. Согласно Э. Дюркгейму, функции, которые реализует миф, прежде всего, необходимы для сохранения в истории единства коллектива и его психического настроя [1, с. 91]. Миф как сакральное действие, ритуал направлен на формирование и коррекцию коллективных представлений, ментальности этноса. Этническая ментальность функционирует в виде долговременных мыслительных стереотипов, аксиологических установок и навыков, детерминирующих состояние сознания и поведения человека

Мифосознание древнего человека – это иллюзорно-практическое мышление образами, оно не разъединяло воображение и предметы воображения, имя вещи и саму вещь, объяснение и фантастическое преобразование мира. Человек верил, что мощные, порой враждебные, силы природы и общества возможно «задобрить» и даже победить посредством ритуалов, заговоров (языковых формул) и других сакральных действий. Рассуждая о мифе, мы всегда имеем дело с интерпретацией его содержания, с вопросом о возможных комментариях, потому как все мифическое обладает особой психологией и часто простирается за пределами разумного понимания, а интерес мифа нацелен на скрытое, тайное, сакральное. Для понимания явления или овладения вещью, обретения над нею власти необходимо было сначала понять ее начало и происхождение. Миф является выражением некоторого смысла, «направляющего разум на инобытие». Миф есть разноцветная радуга единого и нераздельного светового луча истины», который так привлекает своей тайной и требует познания [2, с. 376].

Универсальное понимание происхождения вещей и явлений, всеобъемлющей связи человека с бытием дают основные идеи мифов – мифологемы. Эти устойчивые мифопоэтические универсалии перемещаются из общества в общество, из одного времени в другое. Существуют мифологемы неба и земли, моря и суши, верха и низа, мороза и жара, чета и нечета и многие другие.

Мифологема света и тьмы (света и мрака), мира видимого и невидимого может трактоваться как основа дуальной типологии различных форм бытия, жизни человека, знания и незнания: *верх – низ, день – ночь, близкий – далекий, огонь – мороз, любовь – ненависть, свои – чужие, мы – они, доля (счастье) – недоля (несчастье), запад – восток* и др. На всеобщность дуальных позиций мифологических образов указывал известный этнолог К. Леви-Строс. Он полагал, что миф, как правило, оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации, причем посредник (медиатор) совмещает в себе признаки обеих противоположностей и во многом разрешает противоречия [3, с. 201].

Противопоставление: *верх – низ* в космическом плане следует понимать как оппозицию неба и земли, вершины и корней мирового дерева, в ритуальном плане реализуется в расположении святилищ Перуна на холме и Велеса – в низине. Оппозиция: *правый – левый* лежит в основе древнего права (право, правда, правильный, справедливость), ритуалов, примет, гаданий. Данная пара отражена в персонифицированных образах Правды на небе и Кривды – на земле. Мифологемы *близкий – далекий* в славянской мифологии указывают на структуру пространства (по горизонтали) и времени. Например, свой дом – «тридевятое царство» в сказках, «тот свет», образы пути-дороги, дали, давние времена и новые, мир живых и загробный мир. Дом и лес – частый пример данного противопоставления: *близкий – далекий* и актуализация противоположности *свой – чужой*. Она обычно воплощается в образах человека и животного (чаще медведя или волка), домового или других духов или лешего. Противоположности: *юг – север, восток – запад* в космическом плане изображают пространственную структуру по отношению к солнцу, в ритуальном плане – расположение святилищ, которые строились по сторонам света. Таким же образом формировались и правила поведения в обрядовых действиях. В соответствии со сторонами света, например, у славян среди множества ветров четыре были главными. Они «сидят по углам земли», старший из них «вихровой атаман»: ему повинуются все остальные, он же и посылает ветры и вихри дуть туда, куда захочет. В северно-русской традиции известны «ветряной царь», «ветер Мойсий», «ветер Лука» и северный ветер – «Седориха». Самым распространенным способом вызвать ветер в затишье считался свист, реже – пение. У белорусов мельник должен был уметь «запречь ветер» и вызвать его в затишье, а у моряков поморов, чтобы дул попутный ветер, было принято насвистывать. Появление ветра часто связывали с общеславянскими представлениями о нем как о местонахождении душ и демонов. Сильный ветер означал чью-то насильственную смерть. Белорусы полагают, что холодный ветер дует с той стороны, где утонул человек, а по украинским верованиям появление «ходячих» покойников предвещают сильные порывы ветра [4, с. 86–87].

В оппозиции: *суша – море* особое значение придавалось морю. Оно являлось местоположением многих негативных, большей частью женских персонажей. Море, море-океан, морской царь и его двенадцать дочерей, двенадцать лихорадок часто отождествлялись в заговорах с болезнью или даже смертью. Положительные ожидания воплощаются в приходе из-за моря солнца и весны. С оппозицией – *суша – море* – коррелирует другая противоположность: *сухой – мокрый*. В народе «различали» и отмечали Илью Сухого и Мокрого, а также Николу Сухого и Мокрого.

Интересна мифологема *мороз – жар*. Мороз противоположен жару, но в языке сближается с огнем: на морозе «корець до рук прикипае», «до морозку ніжки прикипа-

ют», мороз «палит». Мороз, порой, подобно огню – символ любви: зазноба (любимая), заздобчивый (влюбчивый). Но в украинском «заснобка» – обида, печаль. В русском – острада – нелюбовь, ненависть. А постылый – «можно предположить противопоставление мороза-холода огню и теплоте». Холодный часто – нелюбящий. И если мороз и холод – печаль и забота, то огонь и тепло – веселье и любовь. Мысль о противоположности холода и тепла, нелюбви и любви выражена и в названии растения «мать и мачеха» [5, с. 304–305].

Наиболее абстрактная формализованная мифологема среди всех противопоставлений: *чет – нечет*. Оно предполагает выделение благоприятных четных и неблагоприятных нечетных чисел. Например, дней недели: Четверг связан с Перуном, Пятница с Мокошью, вторник – с Прове (бог дубов, лесов и рощ у балтийских славян). Существуют также такие персонификации, как Святой Понедельник, Святая Среда и Святая Пятница. Нечетные числа считались несчастливими: число тринадцать определялось как «лихо одноглазое».

Сильна и широко распространена в народной восточно-славянской традиции мифологема *оборотничества*. Она раскрывает универсальную способность мифического героя принимать обличье человека, животного, растения, может даже камня или дерева. Все имеет тождественную сущность и может быть взаимообразным, взаимозаменяемым. Всеобщее оборотничество было одновременно и волшебством, и выражением целостности мира, единства человека и природы. Многие исследователи полагают, что оборотничество легло в основу алхимических поисков чудодейственного философского камня, способного превращать любые металлы в золото и серебро.

Подводя итог, следует заметить, что с древнейших времен мифология восточных славян предназначена была объяснять мир, делать его более упорядоченным, формировать ментальность, наполнять повседневность «живым» и эмоциональным пространством ритуалов, сохраняющим незримую связь настоящего с далеким прошлым. Мифология этнична, исторична и социальна, она провозглашает общечеловеческие ценности. Как знание и ритуал мифы направлены на формирование, коррекцию и сохранение коллективных представлений этноса – менталитета – глубинных аксиологических установок и основ поведения. В оперативном аспекте мифологема как идея мифа – это наставление, которое позволяет регулировать осознанное восприятие явлений. В оценочном аспекте мифологемы объясняют, хоть и мнимую, но родословную того или иного явления, его место и ранг во всеобщей связи бытия. Приурочивая функции к структуре, можно сказать, что в коллективном сознании мифология выполняет онтологическую, гносеологическую, праксеологическую и аксиологическую функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, А. Г. Мифологизирующая сила повседневности / А. Г. Иванов, В. А. Нехамкин, И. П. Полякова // *Вопр. философии*. – 2020. – № 9. – С. 87–98.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1994. – 604 с.
3. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М. : ГРВЛ, 1983. – 536 с.
4. Славянская мифология / *Энцикл. слов.* – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
5. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с. – (Прил. к журн. «Вопросы философии»).